

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

КЪ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖЬЯ.

I.

„ПОРУБЕЖНЫЯ ЛЮБЕЗНОСТИ“.

Запорожье во все время своего существованія—какъ самостоятельная община, имѣло кромѣ заграничныхъ „порубежниковъ“: татаръ и поляковъ, и ближнихъ единоплеменныхъ сосѣдей: донцовъ, малороссійскихъ козаковъ и русскіе гарнизоны. Сіи послѣдніе, разскинутые по крѣпостцамъ или „ретраншаментамъ“, отъ Крылова на Днѣпрѣ до самой Новой Сѣчи, занимаемы были военными отрядами изъ регулярныхъ или гарнизонныхъ полковъ, подъ начальствомъ комендантовъ штабъ-офицерскаго чина. Состоя въ непосредственной командѣ кіевскаго генералъ-губернатора, они были сторожевыми постами не только противъ ногайскихъ татаръ и польскихъ пограничныхъ „губернаторовъ“¹⁾, но наблюдали и надъ запорожскимъ войскомъ, которому наше правительство, послѣ измѣны Мазепы и Дорошенка, не вполнѣ довѣряло. Ближайшими къ войску были: старо-сѣченскій, кодацкій, усть-самарскій и ново-сѣченскій ретраншаменты.

Съ донцами Запорожье имѣло постоянныя, а иногда весьма кровавыя столкновенія, преимущественно въ Калміуской Паланкѣ,

¹⁾ «Губернаторами» назывались управляющіе, большею частію военные, имѣніями «украинскихъ» вельможъ: кн. Яблоновскихъ, Любомирскихъ, гр. Потоцкихъ и др.

за рыбныя ловли на косахъ Азовскаго моря, особенно близъ устьевъ Дона, Еи и Калміуса ¹⁾).

Съ малороссійскимъ начальствомъ и козаками запорожцы спорили за „вольности“, т. е. богатыя степи на устьяхъ Орели, Самары и другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ, гдѣ, безъ позволенія Коша, украинцы заводили себѣ не только хутора и зимовники, но и цѣлыя селенія. Хотя запорожцы старались всѣми силами сохранять дружескія сношенія съ своими заднѣпровскими братьями, но иногда случались столкновенія серьезныя, а чаще трагикомическія, и одно изъ такихъ событій мы выписываемъ буквально изъ спасенныхъ нами обрывковъ архива „последняго Коша запорожскаго“.

Въ іюнѣ 1752 года праздновали въ Сѣчи день святыхъ Петра и Павла и, слѣдственно, именины кошеваго атамана *Павла Иванова (Козелецкаго)*. По этому случаю было много гостей и въ числѣ ихъ товарищи депутаціи, присланной для опредѣленія малороссійскихъ запорожскихъ границъ: полтавскій эскадръ *Яковъ Козельскій* и сотникъ *Василій Зарудный*. И вотъ что случилось въ этотъ двойной церковный и войсковой праздникъ, какъ видно изъ донесенія Коша къ „ясне-вельможному“ малороссійскому гетману.

1752 года іюня 30 дня.

„Отъ насъ ниже подписанныя дана сія въ войсковую войска запорожскаго низоваго канцелярію подписка въ томъ, что сего іюня въ 29 день, ради торжества, по отправленіи молебнаго пѣнія, бывшій господинъ Кошовій *Якимъ Инашовичъ* просилъ какъ атамана Кошеваго съ старшиною, такъ и насъ, въ томъ числѣ и сотника *Василія Заруднаго* въ свою квартиру, гдѣ онъ, сотникъ Зарудный, въ квартирѣ господина *Игнатовича* первѣ хрустальный „креденць“ ²⁾ побилъ, сказывая: „велено де вамъ войску самарскія вольности (степи) межевать, а и по ся поры не мековано, за что нынѣ „и репримендовать васъ веленожъ“. А потому атамана Кошеваго *Павла Иванова* зъ старшиною называлъ „ворами и плутами, „и въ войску де нѣтъ добраго состоянія ни единого человекъ“. По отходѣ же атамана Кошеваго *Павла Иванова*, войсковаго писаря

¹⁾ Р. Калміусъ, впадающая близъ Мариуполя въ Азовское море, отдѣляетъ и теперь Ново-Россію отъ донской земли.

²⁾ Креденць — приборъ хрустальныхъ штофиковъ для водокъ.

Дмитрія Романовскаго шельмою и дуракомъ называль-же, и въ щекѣ, безъ всякой виновности, при всей компаніи вдарилъ; такожъ и бывшаго атамана Кошеваго Якимъ Игнатовича за волосы терзалъ. О чемъ въ войсковую канцелярію о причиненной имъ сотникомъ Заруднымъ, въ квартирѣ господина Игнатовича, обидѣ письменнаго свидѣтельства въ Кошъ требовано, по которому его сотника отважнымъ, напившись до пьяна, недобропорядочнымъ поступкамъ, гдѣ повелено будетъ, засвидѣтельствовать имѣемъ, на томъ и подписуемся“.

Чѣмъ кончилось такое любезное обхожденіе господина сотника за гостепріимство въ обществѣ запорожской старшины, объ этомъ свѣдѣній въ архивѣ не оказалось. Но вотъ другое происшествіе, тоже достойное вниманія, какъ образчикъ внутреннихъ хлопотъ нашего славнаго низоваго войска.

Въ бытность кошеваго Петра Калнишевскаго въ 1768 году въ Петербургѣ, съ депутатами отъ войска, для опредѣленія границъ и рѣшенія споровъ о земляхъ запорожскихъ, отобранныхъ подъ ново-сербское поселеніе, получены были не разъ жалобы коменданта ново-сѣченскаго ретраншамента: онъ жалуется, что козаки истоптали всѣ окопы, переломали рогатки, пускаютъ скотъ во рвы и ходятъ въ укрѣпленія безъ позволенія карауловъ. Въ этомъ ретраншаментѣ¹⁾, по случаю какого-то праздника, были гости и въ томъ числѣ запорожскій старшина и переводчикъ Андрей Константиновъ, и вотъ что онъ доноситъ кошевому начальству:

„1768 года апрѣля 26 дня былъ я нижеименованный въ ново-сѣченскомъ ретраншаментѣ, на квартирѣ господина прапорщика елецкаго пѣхотнаго полку *Костина*, въ компаніи, въ которой находились господина майора *Мыкульшина*²⁾ жена, капитанъ *Мошоновъ* съ женою, находяцій при томъ-же ретраншаментѣ за адъютанта подпоручикъ бѣлевскаго пѣхотнаго полку *Бьлосерскій*, да запорожскіе козаки: куреня титоровскаго Якимъ Косый и Савва Губа. Гдѣ будучи капитанъ *Мошоновъ* нѣсколько пьянъ, между прочимъ разговоромъ бранилъ безпричинно его вельможность, господина

¹⁾ Въ селеніи *Покровскомъ* екатеринославской губерніи и уѣзда, на пещищѣ бывшей Новой-Сѣчи, видны доселѣ остатки валовъ этого мелкаго укрѣпленія.

²⁾ Комендантъ ретраншамента.

Кошевого Петра Ивановича Калнишевскаго поносительными словами, а именно: въ первыхъ назвалъ „мужиномъ несмысленнымъ“, приговаривалъ многократно: „что де я самъ лучше его, я де плюю на его“; повторяя сію рѣчь стократно, продолжалъ бранить матерщину съ произношеніемъ негодныхъ словъ. При томъ примолвилъ, что де онъ „былъ уже въ моей командѣ и паки де будетъ“. Наконецъ говорилъ онъ, Мошоновъ, что де „вашего Кошевого въ Петербургѣ хотѣли повѣсить на висѣлицѣ, или въ ссылку сослать, и въ ланцугахъ (дѣпяхъ) его скованнаго держали“. И когда ему я и адъютантъ говорили, что это несправедливо ему кто ни на есть пересказалъ и что сего не было: то упомянутый капитанъ утверждая, что такъ точно, какъ онъ сказываетъ, еще произносилъ для чести его вельможности несносныя укоризны. А понеже, какъ выше значить, при семъ былъ я и выше прописанные свидѣтели, слушавъ съ огорченіемъ къ несносной обидѣ своего командира такія поношенія: для того, повѣренный къ охраненію моего командира чести должности, симъ Кошу войска запорожскаго представляю. А что все вышепрописанное справедливо, въ томъ безъ всякаго пристрастія, при случившихся тамо вышепрописанныхъ свидѣтеляхъ, утверждаю“.

Войска запорожскаго визоваго переводчикъ *Андрей Константиновъ* ¹⁾.

Такая обида Кошевому и войску взволновала все Запорожье; собралась „рада“ изъ старшины и куренныхъ атамановъ и рѣшила послать 31 мая 1768 года жалобу о горестномъ событіи кіевскому генераль-губернатору Воейкову. 30 іюня того-же года генераль Воейковъ отвѣчалъ козакамъ, что онъ не медля „о поношеніи чести такой“ поважной особѣ, какъ кошевой атаманъ, къ неприятнымъ слѣдствіямъ поводомъ быть могущемъ, донесъ графу Румянцеву и просилъ капитана Мошопова предать военному суду и тѣмъ надлежащее удовольствіе обиженному кошевому доставить, дабы другіе, смотря на то, впредь отъ такого подлаго и съ офицерскимъ достоинствомъ неприличнаго посползованія удерживаться побуждены быть могли“.

Чѣмъ кончилось и это дѣло, въ бумагахъ сѣчеваго архива никакого свѣдѣнія мы не нашли.

¹⁾ *Андрей Константиновъ* былъ войсковымъ переводчикомъ татарскаго и турецкаго языковъ и агентомъ для пограничныхъ сношеній.

А вотъ любезности съ польскаго рубежа. Въ запорожскомъ архивѣ мы нашли цѣлыя десятки документовъ 1740-хъ годовъ о спорахъ и даже кровавыхъ столкновеніяхъ между козаками и польскими пограничными „губернаторами“, которые ясно доказываютъ источникъ тѣхъ ужасныхъ событій, которыя, двадцать лѣтъ послѣ, произвели уманскую рѣзню. Изъ одной „промеморіи“ кошеваго Якимъ Игнатовича отъ 19 сентября 1749 года, посланной кievскому начальству, видно, что съ 1733 по 1749 годъ польскіе губернаторы уманскаго, лысянскаго, смѣлянскаго и другихъ „замковъ“, особенно-же гг. *Станиславъ Костка - Ортыньскій*, *Михаилъ Закревскій* и *Антонъ Табанъ*, повѣсили 230 козаковъ, отнявъ у нихъ лошадей, воловъ, рыбы, оружія и пожитковъ на 27,513 рублей, что по цѣнности денегъ того времени составляло болѣе, чѣмъ нынѣшнихъ сто тысячъ рублей.

Для примѣра приводимъ официальное донесеніе объ одномъ изъ такихъ польскихъ подвиговъ:

„Въ 1748 году донскаго куреня козаковъ, слѣдующихъ изъ днѣстровскаго походу, зазававши командующій въ Умани прозваніемъ *Табанъ* съ поляками въ дворъ, явобы для удовольствія ихъ харчами или за чѣмъ другимъ, и поотбиравши: ружье, лошадей, одежду и деньги, *Мартына Гончара*, *Трофима Яровою*, *Афанасія Опатого*, *Андрея Дона*, *Михаила Доматого* и другихъ повѣшали“.

Предлагаемъ также образчикъ любезной сосѣдской корреспонденціи съ того-же рубежа:

Мосци пане ¹⁾ Кошовій низоваго запорожскаго войска, мой приятель!

„Письмо отъ В. М. М. Пана ко мнѣ отписанное сего 1752 года, мѣсяца августа остатнихъ чисель, получилъ я, въ котормъ В. М. М. изволите отписывать, яко не только моего хлопца именемъ *Останка*, але и козака именемъ *Саморѣднаго* въ вашемъ войску запорожскому, при котормъ оній хлопецъ зостаеть, не

¹⁾ *Mosci panie* самая неучтивая формула въ письменныхъ сношеніяхъ поляковъ; обыкновенно всѣ пограничные «губернаторы» и даже знатные польскіе вельможи называли кошевыхъ въ своихъ письмахъ «высокопочтенными» или «вельможными». Даже главнокомандующіе гг. Румянцевъ или князь Долгорукій такъ ихъ титуловали.

отпытано. Въ чемъ не знаю, чи я, чили В. М. М. Панъ изволите обманыватися; понежь я не объ Самородному, но объ *Яцку Безродному* до В. М. М. писалъ, ибо оній Безродній, будучи въ Нѣжинѣ прошедшаго 1751 года на ярмарку, о Покровѣ пресвятой Богородицы, съ прочими своими компанистами, самъ онаго хлопча Остапа отъ мене къ себѣ одмовилъ (переманилъ). О чемъ и не зналъ бы я, еслибъ самъ онъ Безродній чрезъ многихъ нашихъ богуславскихъ людей (которые-те люди сами на свои очи онаго хлопча при немъ служащаго бачили),—ко мнѣ многократно не наказывалъ: дабы я, „пославши що-нибудь въ даровизну, онаго Остапка къ себѣ отобралъ“. А наконецъ чрезъ Филиппа Голобородченка, котораго В. М. Пану и листъ оній, отъ мене посланній вручивъ, такъ предъ тимъ наказывалъ: „скажи же панови своему, нехай онъ мені пару жупанівъ перешле, а по Остапка нехай присылае, то я его отдамъ ему“. За чимъ повторнымъ листомъ В. М. М. Пана прошу оному Яцку Безродному приказати, дабы онъ мнѣ моего хлопча Остапка безъ турбаціи отдалъ. Впрочемъ, если бы В. М. М. Пана изволили вѣдать, въ якомъ оній Остапко заводъ знаходится, то бы и сами его задерживать не похотѣли, ибо оній Остапко совсѣмъ, то есть, что я на изученіе его вытративъ и что (онъ) у мене въ Нѣжинѣ, на тотъ часъ, какъ его отъ мене Безродній отмовилъ, уворовалъ,—больше коштуеть (стоитъ), нежели 700 рублей. Значить, или оную мнѣ утрату изволите пополнить, или онаго моего злочинца (преступника) Остапка прошу выдати, бо вора вездѣ во всѣхъ народахъ пограничныхъ не заступають (не защищають). Ежели же самоизвольно не изволите выдати, то чрезъ листъ отъ ясне вельможнаго е. м. господина гетмана, къ вамъ имѣчій прислатися, зъ дальшею турбаціею и большею утратою, привуждены будете одати.

„Что же В. М. М. Пана изволите въ листѣ своемъ насъ въ запорожскую службу запрашивати,—отписую: еслибъ я былъ воръ, альбо разбойникъ или якій гультай (негодяй) или драпѣжца (грабитель), если бы я похотѣлъ оныхъ рыцерствъ степовыхъ по за комышами доказывати и не только худобу (имущества), але и жизни людемъ отобрати, то бы можетъ на службу вашу и дався. А понеже я подъ знакомъ (знаменемъ) коруннымъ и безъ того „товарищемъ“ состою¹⁾, оной вашей службы не же-

¹⁾ Въ Польшѣ, кромѣ небольшого числа регулярныхъ войскъ, была пограничная стража, называвшаяся *guardia narodowa* (гвардія пародова), состоявшая изъ

лаю. Хотя же, може, и обрѣтается у васъ якій гультай, который полякомъ называется, але онъ не есть полякъ, только ровній вашъ; бо онъ польскимъ языкомъ только срастаетъ, а въ самой силѣ подобный вамъ, а не полякъ: за чимъ не мене, але подобнаго себя охотника въ службу запорожскую запрашивайте, але не мене. Теперь мене-жь безъ большой турбаціи и утрати уснокоить прошу.

„Наконецъ В. М. М. Паве навсегда зостаю приятелемъ зичливымъ.

„Михаилъ Ключковскій“.

2 сентября 1752 года.

3 замку Богуславского ¹⁾).

Кошъ опредѣлилъ: хлопця отъ „вельможностей“ войсковыхъ въ паньскую неволю не отдавать.

Любезность польскаго порубежника, въ отвѣтъ на радушное приглашеніе сдѣлаться низовымъ козакомъ „на защиту христіанства противъ басурманъ“,—тѣмъ любопытнѣе или, лучше сказать, смѣшнѣе, что 20 лѣтъ послѣ такіе вельможи, какъ кievскій генераль-губернаторъ *Гмбовъ*, *Кочубей*, графъ *Панингъ*, князь *Прозоровскій*, графъ *Остерманъ*, даже Потемкинъ вступали охотно въ запорожское войско, и имъ выдавались аттестаты отъ избранныхъ ими куреней. Вотъ подлинный такой „аттестатъ“, выданный знаменитому академику Эйлеру, посѣщавшему Сѣчь съ ученою цѣлью въ 1770-хъ годахъ.

А Т Т Е С Т А Т Ъ.

„Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллерій бомбардирскаго полку господинъ поручикъ, *Христофоръ Леонтиевъ Эйлеръ*, въ приѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число

хоругвей (знамѣвъ), то есть отрядовъ дворянъ, служащихъ на свой счетъ, которые назывались товарищами (towarzysze); отряды, набранные королемъ, гетманами и епископами, назывались почетными знаками (znaki rowazne) и были «коронные», т. е. польскіе и литовскіе.

¹⁾ «3 замку Богуславского». Богуславъ — г. кievской губерніи, плѣніе князей Яблоновскихъ, имѣлъ, подобно всѣмъ другимъ украинскимъ городамъ и мѣстечкамъ, небольшое укрѣпленіе вокругъ помѣщичьяго дому, и отъ того назывался «замкомъ».

курень Кущевскаго товарищей, принять и между товариство того курень, на всегдашнее изчисленіе въ куренные регестры, съ нижеписаннаго числа записанъ. Для чего ему, г. поручику Эйлеру, когда гдѣ надобность укажетъ объявленія, сей аттестатъ изъ Коша войска запорожскаго низоваго при подписаніи и печати войсковою выданъ. Въ Сѣчи запорожской августа 4 дня 1770 года“.

(М. П.)

Слѣдуетъ подпись:

„Войска запорожскаго низоваго кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій, съ старшиною и товариством“.

А. Скальковскій.